

Сергей Мохов

Dina Khapaeva. The Celebration of Death in Contemporary Culture. Ann Arbor: University of Michigan Press, 2017. 272 pp. ISBN 978-0-472-13026-9.

Сергей Мохов – аспирант школы социологических наук НИУ ВШЭ, главный редактор журнала о death studies «Археология русской смерти», координатор Лаборатории социальных исследований смерти и умирания (ЦНСИ, Санкт-Петербург), ИЭА РАН. Адрес для переписки: Мясницкая 9/11, комната № 333, Москва, 101000, Россия. svmoхов.hse@gmail.com.

Рецензия написана при поддержке Российского научного фонда, проект № 17-78-10208.

Несмотря на то, что тема смерти и умирания всегда привлекает внимание читателей, специализированные книги выходят не так уж часто. Возможно поэтому, едва покинув типографию, они сразу находят своего читателя. Монография Дины Хапаевой «Празднество смерти в современной культуре» (*The Celebration of Death in Contemporary Culture*) не стала исключением – она вышла из печати в июле 2017 года и сразу была тепло встречена рецензентами (Konner 2017; Penfold-Mounce forthcoming).

В своей книге Хапаева помещает разговор о смерти в область современной западной культуры, отыскивая следы смертного в метафорических образах популярного кино, сериалов, литературы и сопутствующих брендируемых товарах. Автор анализирует узнаваемые сюжеты книг Джоан Роулинг о Гарри Поттере, сериал и серию книг Стефани Майер «Сумерки», телесериал «Дневники вампира», фильмы о зомби (с. 20) и даже обращается к таким русскоязычным текстам, как «Таня Гроттер» Дмитрия Емеца, сага Сергея Лукьяненко о «Дозорах» и роман Виктора Пелевина «Empire V» (с. 129). Вопросы, которые Хапаева пытается разрешить с помощью анализа этих сюжетов, сформулированы следующим образом: почему мы наблюдаем такую необычайную популярность различных фильмов о монстрах? (с. 2); почему насильственная смерть, на которой строятся сюжеты данных сериалов и книг, не вызывает отторжения и даже наоборот – привлекает зрителя и читателя? (с. 9); почему в эпоху беспрецедентного долголетия на Западе мы наблюдаем такое увлечение смертью? (с. 4–5).

На первый взгляд, монстры и вампиры, которые попадают в «объектив» исследователя, не имеют прямой связи со смертью. Однако Хапаева делает важную поправку: ее подход строится на том, что отношение к смерти в каждый из исторических периодов имеет свое собственное проявление в культуре, в массовых образах и даже в эстетике (с. 15). Она полагает, что в секуляризованном мире традиционную религию и бытовые мифологические убеждения заменила популярная культура, именно поэтому анализ массовых образов может помочь раскрыть отношения между живыми и мертвыми в современном обществе. В своих теоретических построениях Хапаева обращается к теории культуры и коммодификации Теодора

Адорно и Макса Хорхаймера (с. 16), а также к своим более ранним теоретическим работкам, в том числе к концепции «готической эстетики» (с. 17).

Свою книгу Хапаева строит на вполне аксиоматической установке – современное общество одержимо культом насильственной смерти. Она приводит множество примеров в пользу подобного взгляда, и в качестве иллюстраций использует не только сюжеты популярных книг и сериалов, но даже популярную одежду для молодежи, в дизайне которой присутствуют изображения человеческих останков и костей.

Монография содержит три основных тезиса. Во-первых, Хапаева утверждает, что современная культура воспроизводит «антигуманистическую установку», определяя для человека «новое место и новую роль» (с. 182). Во-вторых, новые образы монстров, которые находит автор исследуя сюжеты популярных сериалов и книг, связаны с нарушением главного табу для многих культур (и западной, в частности) – запрет на каннибализм (с. 118–119). Третий, логично вытекающий из первых двух тезисов, – это культ насильственной смерти человека: монстры начинают охотиться на человека ради того, чтобы съесть его. Хапаева полагает, что подобные сюжеты больше не имеют негативной коннотации и оцениваются адресатами как норма.

Свои тезисы Хапаева последовательно раскрывает в четырех главах. В первой главе, названной «Интеллектуальные начала культа смерти», Хапаева соединяет идеи структуралистской «французской теории» с ее особым критическим отношением к идеям гуманизма и критике западной мысли. Обращаясь к теоретическим последствиям подобной критики, Хапаева говорит о «дегуманизации» популярной культуры. По ее мнению, подобная агрессивная атака на гуманизм не так безобидна, как кажется, и в итоге она привела не просто к реконцептуализации гуманизма, а к снижению его практической значимости (с. 28–33). Хапаева утверждает, что подобные критические изыскания вызвали кардинальные изменения в конституирующих особенностях человеческой субъектности, и человек утратил прежнюю уникальность. В итоге это приводит к расцвету культа мертвых людей и снижению ценности человеческой жизни. Сама по себе подобная позиция, безусловно, заслуживает внимания. Однако такого рода утверждения всегда нуждаются в определении того, что является «нормой» (границы которой довольно субъективны). Создается ощущение, что Хапаева не просто конструирует собственные образы «нормальности», необходимые для своих теоретических построений, где поедающим плоть монстрам отведено с самого начала место «ненормальных», но и выступает идеологической защитницей «старого гуманизма». Критика Хапаевой ориентирована прежде всего на следствия, а не на теоретические лакуны и огрехи французской критики гуманизма. Большим упущением представляется отсутствие ответа на вопрос о том, в чем именно критика гуманизма слаба и должна быть сама деконструирована? Кроме того, не вполне понятна связь «идеологической деконструкции» и реальных последствий.

Следует отметить, что, по мнению представителей критического подхода в социальной теории, как раз старая модель гуманизма привела к расизму и переопределению границ человеческого, а не наоборот (хотя именно это утверждает

Хапаева). Об этом упоминается вскользь, в дальнейшей интерпретации этот факт не учитывается (с. 33–37), а ведь это структурный элемент для критики «дегуманистического» проекта. Интересно, что недавно вышедший фильм о зомби-апокалипсисе «Новая эра Z» (как и зомби-сага «Я – легенда», вышедшая ранее) обращается к подобному вопросу – имеют ли поедающие плоть людей существа врожденные права? Кто и как устанавливает границы «нормативности»? Поэтому не все фильмы, очевидно, конструируют культ монстров, поедающих человеческую плоть, столь безальтернативно, как об этом пишет Дина Хапаева.

Во второй главе, посвященной коммодификации культа смерти, Хапаева исследует проникновение образов смерти в массовую культуру. Она утверждает, что современная популярная культура активно использует образы мертвой и разлагающейся человеческой плоти и буквально превращает смерть из события с негативной коннотацией в аналог радостного праздника. Хапаева анализирует агрессивную интервенцию мортальных образов в символическую структуру и повседневную социальную жизнь – от медицины (на примере пропаганды «хорошей смерти» в системе паллиативной помощи) и туризма с посещением мест массовой гибели людей до празднования Хэллоуина, а также ставшего интернациональным мексиканского праздника Санта-Муэрта и дизайнерской одежды, в оформлении которой использованы кости и черепа (с. 54–78).

Здесь можно задать автору вполне справедливый вопрос: разве когда-то в европейской культуре было табу на самую тему смерти, которое сейчас вдруг оказалось разрушено? Существуют ли примеры серьезной табуированности смерти в европейской истории? В каждый из ее периодов мы символически осмысливаем смерть и собственное умирание: от средневековых костниц и мощей святых, через публичную аутопсию в раннее Новое время и викторианский культ мертвых, к современному Хеллоуину. Разве кости, едва прикрытые землей в массовых могилах на средневековых погостах, являются признаком табуированности смерти? Или публичные вскрытия на площадях европейских городов? Или парижский морг, который был главным развлечением для приезжих туристов? Или феномен фотографии *post mortem*? Хапаева пытается ответить на этот вопрос в разделе «Смерть: новый феномен?» (с. 75–80) и тем самым развивает свои тезисы: по ее убеждению, смерти перестают бояться, делают ее элементом повседневности, в которой умирающий человек больше не вызывает страх и отторжение в сравнении с той же викторианской Англией, а наоборот – вызывает положительные эмоции.

В третьей главе автор продолжает эту мысль и утверждает, что именно поэтому современная культура основывается на принципиальном переосмыслении фигуры монстра. Разбирая примеры из «Гарри Поттера» и вампирских саг, Дина Хапаева показывает, что сам образ монстра, поедающего человеческую плоть, претерпел серьезные изменения: в последние десятилетия он прошел символическое очищение и стал «нормой». Если еще в середине XX века мы наблюдали однозначно негативное маркирование таких героев, как вампиры, зомби и другие антропоморфные монстры, питавшиеся человеческой плотью, то сейчас они все чаще превращаются в героев положительных. Разбирая популярную среди подростков телесагу «Сумерки», автор показывает, что образ питающихся кровью

вампиров вызывает у зрителя жалость и сочувствие (с. 81–97). Она уделяет достаточно много внимания и популярной у детей и взрослых серии о Гарри Поттере, отмечая, что альтер-эго (Волан-де-Морт) главного героя (то есть он сам) также питается кровью.

Хапаева утверждает, что современная массовая культура снимает запрет на употребление человеческой плоти в пищу. Подобное замечание крайне интересно и подтверждает гипотезы других авторов, пишущих о смерти и телесности (Walter 2017). Действительно, в современной культуре происходит размывание границ телесности и снижение сакрального статуса физической оболочки. Пластическая хирургия, косметология и гормональные препараты позволяют человеку менять собственное тело до неузнаваемости, нарушая изначально заданные примордиальные характеристики – от пола до цвета кожи. Ради достижения новых идеалов красоты люди готовы нарушать границы своего тела: класть его под нож хирурга, вкалывать в него различные препараты и вставлять всевозможные имплантаты. Сюда можно добавить и широко распространившиеся практики бодимодификаций, татуировок, пирсинга и так далее.

Таким образом, вполне логично, что разрушение телесности и лояльное отношение к целостности тела символически отображается в массовой культуре. Современная изобразительная культура показывает, как человек разрушает табу, связанное с деформацией телесной оболочки, – отсюда всевозможные фильмы с разрывающимися телами. Мы становимся свидетелями растущей лояльности публики к нарушениям и разрушениям человеческого тела. Все эти попытки нащупать новую меняющуюся телесность посвящены единственному, но, пожалуй, самым главным вопросам – что есть человек, где человек начинается и где он заканчивается? Это возвращает нас к истокам критики гуманизма со стороны французской теории. Поэтому наблюдения Хапаевой крайне интересны. Она показывает не только лояльность к нарушениям телесной оболочки, но отмечает и растущую положительную оценку «каннибализации» человеческого тела (с. 97–103). На мой взгляд, крайне любопытно, что может нам сказать об изменениях телесности и самоидентификации ставший вдруг положительным образ поедающих плоть монстров? Хапаева отмечает, что происходит не просто десакрализация акта каннибализма: медиа-образ кровососущих монстров вызывает у подростков чувство эмпатии и желание подражать своим героям. Не напрасно анализ Хапаевой в значительной степени сосредоточен на популярных именно среди подростков и детей книгах и сериалах. Например, анализируя «Гарри Поттера», она отмечает, что «культура потребления кошмаров и ужасов становится не ужасающим актом, а развлечением» (с. 150).

Здесь сформулирован главный тезис Хапаевой: современная культура смерти – это и есть культура пожирающих плоть монстров, в отличие от традиционного культа мертвых как культа предков. Люди желают быть похожими на монстров, что обесценивает человека и человеческую жизнь. Дина Хапаева предупреждает об опасности подобных утверждений, отмечая психологическую нестабильность целевой аудитории данных книг и сериалов. Однако, разделяя опасения Хапаевой о последствиях подобного дискурса, мне кажется чрезмерной идеологизирован-

ность подобного утверждения, не говоря уж об отсутствии четко подтвержденной опасности позитивизации «культы смерти» (например, количеством самоубийств фанатов вампирских саг или статистикой по психическим отклонениям).

Несмотря на то, что наблюдение Хапаевой о реконцептуализации образа монстра представляется необычайно важным, оно нуждается и в дальнейшем сравнительном контексте. Это сравнение должно быть сделано не только в связи с переосмыслением границ человеческого тела (вообще рассмотрения теорий, связанных с телесностью, крайне не хватает в книге), но и в связи с новыми технологиями, с восприятием образов культуры самим потребителем (где заканчивается игра в вампиров и начинается реальность?).

На мой взгляд, монография Хапаевой вовсе не про смерть (отношение к ней и восприятие ее). Книга посвящена другому крайне важному и не менее актуальному вопросу – границам человеческого тела и меняющемуся отношению к нему. Именно эта тема раскрывается под неожиданным углом, что, конечно, является находкой автора. Безусловно, вопрос телесности неразрывно связан с темой смерти, но он не делает смертность лакмусовой бумажкой. Однако именно в этой области, в исследовании отношения к телу, Хапаева делает ряд действительно важных выводов и наблюдений.

Несмотря на обозначенные замечания, сама монография однозначно заслуживает внимания читателя. Хочется надеяться, что подобные книги будут появляться и на русском языке.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Konner, Melvin. 2017. "Nightmare Consumption: On Dina Khapaeva's 'The Celebration of Death in Contemporary Culture.'" *Los Angeles Review of Books*, October 31. Retrieved March 16, 2018 (<https://lareviewofbooks.org/article/nightmare-consumption-on-dina-khapaevas-the-celebration-of-death-in-contemporary-culture/#!>).
- Penfold-Mounce, Ruth. Forthcoming. Review of *The Celebration of Death in Contemporary Culture* by Dina Khapaeva. *Mortality*. Retrieved March 16, 2018 (<https://doi.org/10.1080/13576275.2017.1377169>).